

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Культура. — 1993 — Звезда. — С. 7

А ВЫ ЗНАКОМЫ С ЛИСТЬЕВЫМ?

Никогда не встречаю я такого дружеского участия и сострадания, как в те дни, когда у меня ломается телевизор. «Боже мой, говорят знакомые, как же вы теперь без телевизора!» Беда указывает на самых верных друзей: они тут же от всей души, предлагают своего мастера. Оказывается, у многих знакомых есть знакомые мастера. Но стоит ли телевизор того, чтобы тратиться на мастера!

В то самое время, когда мои знакомые телевизор смотрят, я его обычно вспоминаю...

Телевизор запомнился тем, что люди, которые там находятся, постоянно работают на камеру. Вот корреспондентка берет интервью на бульваре. Человек чуть отвернулся — «Нет, не отворачивайтесь от камеры». Не камера следует за человеком, а человек должен говорить в камеру.

Театральные актеры искусно делают вид, что там, где сидят зрители, — глухая стена. На ТВ «четвертую стену» не играют, ее, наоборот, разрушают. Хотя в то же время и стараются камеры не замечать, как актеры — публику. «Вы прямо в камеру не смотрите, но не отворачивайтесь от нее».

«Круглые столы» развернуты фронтально. Танцоры боятся повернуться к камере спиной. Певцы поют в камеру. Куклы на детской передаче — лицом к камере. Вдобавок ТВ много снимает прямо на сцене: музыкальные ансамбли, творческие вечера, пресс-конференции, даже на заседаниях Верховного Совета всего два действующих лица: сцена и зал. Нескончаемый театр — это все-таки неестественно. Театр требует оценки, заставляет реагировать. ТВ подавляет однообразие ракурсов: основной — в камере лицо, плашмя, желательно без фона.

Удивительно, но даже передачи о живой природе одномерны. Река — вся как на ладони. Лес — в лоб. Животное — крупный план морды...

В театре актеры реакцию зрительного зала слышат, чувствуют. На телевидении «чет-

вертая стена» безмолвствует. Реакции зрителей в студии слышать не могут. Зачем же, спрашивается, взят театральный прием в совсем другом виде искусства?

Чувствуя свое больное место, телевидение стало создавать передачи с участием «живой публики». «Что? Где? Когда?», «Тема», «Любовь с первого взгляда», «Поле чудес», «Звездный час», Лотто «Миллион» — там всюду в студии сидят «зрители». Они должны реагировать на «сцену». Каждая реплика со «сцены» отзывается реакцией «живых зрителей». Эта публика намного активнее натуральной, что заполняет театры. Правда, передача «Поле чудес» решена таким образом, что «живая публика» находится за спиной у тех, кто врещает барабан, а «актеры» стоят лицом к камере. Но «публике» это реагировать не мешает.

Нечто вроде стадиона устроено на передаче «Что? Где? Когда?». Там «живые зрители» так далеко от интеллектуалов, что ни видеть, ни слышать их не могут, поэтому все говорят в микрофон.

«Любовь с первого взгляда» — одна из самых загадочных передач. Как, впрочем, и «Звездный час». Здесь публика не выполняет даже роли декорации — она присутствует звуковыми реакциями. Знающие люди уверяли меня, что публики на этих передачах и нет, аплодисменты и все прочее записано на пленку. Но как же тогда понимать поведение «первыми встретившихся юношей и девушек» в «Любви с первого взгляда» или соревнующихся в «Звездном часе»: кому они улыбаются, кому машут руками, кому посылают воздушные поцелуи?

На «Теме» и на «Поле чудес» публику показывают непрерывно, словно доказывая, что это не пленка и не монтаж. Места, поставленные амфитеатром, как в греческом театре или в цирке, всегда заполнены. Сидящие на них люди раздражают своими заказанными реакциями: раскатами хохота, бурными рукоплесканиями, выкриками. Кто они такие, эти клакеры, эта говоря-

щая декорация? Как они проникли на телевидение? Вход в «Останкино» строго воспрещен, каждому должны были выпустить специальный пропуск.

Все эти женщины, мужчины и дети подсказывают телезрителям, в каком месте и как следует реагировать. Они выполняют и еще более важную миссию: увлекают нас игрой. Видя, как «зрители» в телестудии вопят от восторга, мы начинаем сомневаться в своем чувстве юмора. Смеются — вытягивают одобрение из нас. Аплодируют — нам должно сделать радостно.

Нужно сломаться телевизору, чтобы вдруг осознать всю таинственность телепублики. Кто эти люди? Почему на беспрестанные призывы ведущих:

— Аплодисменты в студии! Не слышу аплодисментов! Аплодисменты Татьяне Николаевне Булкиной!! Аплодисменты ветерану войны и труда Николаю Ивановичу Терентьеву!! Аплодисменты! Громче! Громче! — они откликаются незамедлительно и выполняют эти команды, как дрессированные? И почему иногда случаются накладывки, когда камера нечаянно выхватит в «живых зрителях» мужчину или женщину с постным лицом, не смеющихся, не хлопающих и не орущих:

— Приз! Приз! Приз! — а такого какого-то обычного человека, похожего на обычного телезрителя, которого, простите, не охватил восторг? Выхватит камера такого человека не на взводе — и тотчас улепетнет к лицам, которые чему-то хохочут во весь рот, бацают в ладоши, обнимаются, смеясь, утирают слезы смеха, кричат-скандируют:

— Приз! Приз! Приз! — а такого какого-то обычного человека, похожего на обычного телезрителя, которого, простите, не охватил восторг? Выхватит камера такого человека не на взводе — и тотчас улепетнет к лицам, которые чему-то хохочут во весь рот, бацают в ладоши, обнимаются, смеясь, утирают слезы смеха, кричат-скандируют:

— Приз! Приз! Приз! — скандирует «публика», словно бы массовое участие в игре способно скрыть дурной тон самой игры...

На «Теме» публика другая. Она исполняет роль «интеллектуальной части нашего общества». Здесь обсуждаются запретные темы. Ну те, которые

запретными считаются. От публики требуется неординарное мышление, отказ от догм. Разговор о запретном идет откровенный, без предрассудков. Эта передача призвана раскрепостить наше косное общество. Хватит молчать о вещах, о которых все равно все шепчутся! Это чрезвычайно серьезная передача.

Запомнилась «Тема» семейных отношений: моральны ли аборт? В этой «Теме» принимал участие священник. Был ли он специалистом в гинекологии, урологии, контрацепции, педагогике, сексологии — не уловил. В чем-то в этом. Во всяком случае он высказывался о таинствах брака как о вещах давно всем известных.

Помнится, он считал, что раз мужчина и женщина поженились, то у них должно быть столько детей, сколько получится, поскольку люди и женятся для создания семьи и ни для чего другого. Суровый товарищ попался. С луны, верно, свалился: отсюда и широкий кругозор. С ним дискутировали, но все было втуне.

Запомнилась «Тема» о любви к домашним животным. Рассматривался вопрос, можно ли шпынять собаку ногой или это бесчеловечно? В передаче принимала участие глава Российского общества покровительства животным. На вопросы заинтересованной в решении этого вопроса публики она отвечала от имени собак.

Вспоминается почему-то «Тема» на совсем уж актуальную и общественно значимую тему — о кровосмешении. На сцене сидела жертва кровосмешения — немолодая уже девушка, пухлая, увесистая, добрая, невольная возлюбленная своего развратного отца. Ей задавали заинтересованные вопросы, просили поделиться нажившимся, высказаться. И она тоже не считала нужным ничего скрывать. Она устала носить в себе семейную драму. Она слишком долго молчала. Камера то и дело скользила по лицам «живой публики», искаженным гримасой сострадания. На некоторых лицах был научный интерес.

В проведении «Тем» публике отведена особая роль. Тут ее не унижают криками: «Аплодисменты в студии! Не слышу аплодисментов!» — нет, на «Теме» публика для того, чтобы «Тема» раскрылась основательно.

— Что вы испытывали, когда отец?.. Мнение вашей мамы?.. — Что вы скажете о собаке, которая сама кусается?..

— Почему вы полагаете, что социальные условия брака?.. Без таких вопросов передачи «Тема», пожалуй, быть и не могло бы.

Но кто, кто все эти люди, которые попадают на ТВ на роль «живой публики»?

Чтобы долго не мучиться, мы позвонили в «Тему»: не смог бы наш корреспондент побывать на передаче? Женщины, которая назвалась Виолой, ответила, что прежде она должна посоветоваться. Через несколько дней она посоветовалась и сообщила, что никаких проблем нет: нужно подойти к 17-му подъезду «Останкина» в такой-то день, в такой-то час. Она встретит и проведет в студию.

В такой-то день, в такой-то час я был в 17-м подъезде «Останкина». Но Виола ко мне все не выходила. В дверях стояли два милиционера. Я сказал им, что мне нужно пройти в «Тему».

— Читайте объявление, — коротко сказали мне.

На стеклянной двери было приклеено рукописное объявление: «Дамы и господа! Съемки программы «Тема» (Метаморфозы морали) ОТМЕНЯЮТСЯ. Справки по тел. 216-55-49. Приносим свои извинения. Администрация программы».

Отсюда же, из подъезда, я тотчас позвонил по указанному телефону и спросил Виолу.

— Она полтора часа как ушла, — ответил мужской голос.

— На какой день перенесена съемка?

— Звоните, узнавайте, — ответил мужчина и положил трубку.

В подъезде, кроме меня и милиционеров, никого больше не было. Я уж было собрался уйти, но тут в подъезд вошла девушка и стала читать объявление. Потом пришли еще две

девушки, потом двое мужчин с портфелями... У каждого из них было приглашение. Они показывали его милиционерам, но милиционеры говорили:

— Читайте объявление. С некоторыми огорченными отменой съемки я разговаривал и узнал, что приглашенные билеты они получили чисто случайно: у них на работе у одной знакомой есть знакомый на телевидении, и вот та знакомая пойти сама не смогла и отдала приглашение.

В подъезде появился молодой человек в компании двух молодых дам. Он вел себя, как работник телевидения. Я робко спросил его, нельзя ли и мне получить такое же приглашение, как у всех?

— А кто вы? — спросил молодой человек.

— Наверное, никто, — ответил я, — просто очень хочется попасть на передачу.

— Зачем?

— Посмотреть на себя в телевизоре.

Моя глупость молодых людей умилила.

— Билеты выдает сам Листьев. Спросите у Влада, — отрезал молодой человек.

— Я же с ним не знаком.

— Не знакомы? Тогда на передачу попасть вам будет очень трудно.

— А как, как попасть на передачу? — это был главный вопрос моего приезда. Попадают только по знакомству с Владом?

Хороши бы мы были, если бы печатали в газетах только своих знакомых или знакомых главного редактора! Но на ТВ именно так, кажется, все и обстоит. Случайные люди в подъезде № 17 сказали мне о билетах по знакомству, и молодой человек — опять о знакомстве...

Молодой человек вдруг сулил руку в карман куртки и вынул оттуда приглашающий билет. Это было приглашение на сегодняшнюю съемку, которую почему-то отменили.

Я потратил на телефонные звонки две недели. 216-55-49 был беспрерывно занят. Лишь однажды я дозвонился, и женский голос сказал мне, что день съемки станет известен в четверг. В четверг я звонил — те-

лефон был занят. Несколько дней я не звонил. Потом звонок возобновил. И, представьте, дозвонился. Трубку подняла снова женщина.

— Скажите... — произнес я.

— Этого никто не знает, перезвоните на следующей неделе! — крикнула женщина и бросила трубку. Ту-ту-ту-ту-ту...

Так мне и не удалось представить на ТВ самого себя. А «Тема» продолжала выходить регулярно по вторникам, и «живых зрителей» не становилось меньше. Камера показывала их глубоко заинтересованные лица, женщины и мужчины задавали свои вопросы как бы и от моего имени тоже, эти люди, знакомые Влада Листьева и знакомые знакомых Влада. Наверное, уж совсем-совсем знакомые: как ни крутил я телефонный диск, а моей профессиональной настойчивости оказалось недостаточно.

Невыясненным остался вопрос, платят «живой декорации», как массовке, или люди орут, аплодируют, завывают, покатываются со смеху, задают «интересные вопросы» безвозмездно? Наверное, все-таки за деньги. Бесплатно проявлять столько энтузиазма невозможно. Съемки же проходят в будний день, вечером, после работы. Даже узкоколейку в «Как закалялась сталь» строили за паяк. На «Поле чудес» экспрессивный ведущий требует от «живых зрителей» столь много «реакций», что с записи можно выйти инвалидом на обе руки.

На стадионе «Что? Где? Когда?» сидят члены клубов знатоков. На КВН — студенты. А кто завывает:

— О-о-о-о-о!

— У-у-у-у-у!

— А-а-а-а-а!

в «Любви с первого взгляда»? Должно быть, тоже знакомые. Или знакомые знакомых.

Я бы тоже мог познакомиться с кем-нибудь в «Останкине», но у меня телевизор сломан. А на мастера тратиться не хочется, потому что нет ни малейшего желания служить «живой декорацией». Если телевизор нас так дурачит, то, вероятно, декорацией и считает...

Вячеслав БАСКОВ.